

**НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ МИРА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОМАНОВ «ПИЩА БОГОВ» Г. УЭЛЛСА (1904)
И «ПАТЕНТ АВ» Л. ЛАГИНА (1947)**

Уставщикова В.А.

*Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского,
603000, Россия, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37*

varvara.ust@gmail.com

поступила в редакцию 9 ноября 2015 года

Аннотация

Статья посвящена разбору двух произведений – романов «Пища богов» и «Патент АВ». Цель работы – выдвинуть и обосновать гипотезу о том, что эти романы связаны не только тематически (что могло бы являться случайным совпадением), но именно генеалогически. Анализ проводится на основе использования компаративистского метода. Рассмотрению подвергаются несколько ключевых аспектов: сюжет, система персонажей, писательская манера повествования, основная проблематика произведений. В статье представлена попытка доказать, что Л. Лагин берет за основу роман «Пища богов» сознательно и намеренно отталкивается от исходного материала, но разрабатывает его по-своему, используя как полигон для развития собственных идей, отражения своей эпохи и присущих ей проблем.

Ключевые слова: *Г. Уэллс, «Пища богов», Л. Лагин, «Патент АВ», научная фантастика, образ ученого и обывателя*

Введение. Научная фантастика всегда современна – она говорит о проблемах своего времени и в то же время касается вопросов универсального характера. Именно поэтому лучшие ее произведения будут актуальны всегда, хотя некоторые выходят из тени только при определенных обстоятельствах. Романы «Пища богов» Г. Уэллса и «Патент АВ» Л. Лагина написаны в разное время, но в основе обоих лежит сходное научно-фантастическое допущение – о возможности искусственным образом ускорять рост живых организмов. Таким образом, визуализируя понятие роста, переходя от буквального к метафорическому, произведения обращаются к теме взаимодействия личности и толпы, говорят о роли науки в современном обществе, рассматривают проблемы столкновения стабильного и новаторского. Обе работы четко распадаются на две неравные части: первая затрагивает чисто утилитарные аспекты индивидуальных характеров и их взаимодействия с окружением, вторая опирается на разработку социально значимых моментов.

Основная часть. Научная подоплёка ключевого изобретения – первое и самое очевидное, на что обращает внимание автор научно-фантастического произведения. И Уэллс, и Лагин отводят этой теме немало места, но осуществляют это с диаметрально противоположных позиций. Уэллс подробно расписывает, как идея пришла в голову ученым, как скромное предположение профессора Редвуда натолкнуло мистера Бенсингтона на разработку собственной темы в этом ключе. Изобретение так называемой «Пищи богов» находится в контрасте со всем тем, чем ученые занимались ранее – это уже не просто отвлеченные исследования, «построение бесконечных кривых», а практическое применение своих знаний, реально эффективное. Именно поэтому оно носит такой ярко выраженный каталитический характер, становясь завязкой основной сюжетной линии произведения.

В «Патенте АВ» мы видим принципиальное «необоснование» научной теории, которое автор прикрывает необходимостью хранить молчание ради безопасности: «К сожалению, весьма серьезные основания не позволяют нам даже сейчас, когда прошел уже достаточно большой срок со времени описываемых здесь событий, посвятить наших читателей в суть и характер опытов» [1]. Лагин с самого начала и на протяжении всего произведения обращается к читателю как к носителю определенного культурного знания, в частности, к

знанию корпуса классических научно-фантастических текстов за авторством Г. Уэллса. Подтверждением тому могут служить такие цитаты, как: «и высокие, голенастые стальные мачты, уходящие в туманную, промозглую даль, как уэллсовские марсиане», «Презабавный у вас был процесс. Такого ни один Уэллс не выдумает!..» [1]. Более того, текстом своего романа автор прозрачно намекает на сюжет «Пищи богов»: «Между тем до переезда в Бакбук Попфу удавалось изготавливать в своей лаборатории только такой препарат, который стимулировал безграничный рост подопытных животных» [1]. Здесь появляется излюбленный у Лагина прием отталкиваться от константы художественного мира другого произведения, чтобы на этой почве вырастить своё новое [2].

Повторяет Лагин также и художественную манеру первоисточника, в особенности это заметно в описании кульминационных событий (например, сцена линчевания исследователей). Эпизоды переданы глазами очевидца, а не всезнающего автора, повествующий не являлся свидетелем, а только идет по следам событий (но при этом выдает особенно животрепещущие подробности, которых не мог знать простой свидетель). Во время сложных сюжетных ходов линия повествования тормозится утяжеляющими вставками в виде рефлексии персонажа с минимальным количеством информации для анализа. Даже названия глав, витиеватые, с элементами проспекции, выполнены в викторианском стиле: «ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой рассказывается о том, как Томазо Магараф сначала обиделся и как чета Попф вернулась в Бакбук», «ГЛАВА ВОСЬМАЯ, о том, как Томазо Магараф стал расти и что из этого вышло» [1].

Сказывается отсылка к «Пище» и на построении системы персонажей «Патента». В целом, она вполне стандартна для классической научной фантастики: есть ученый, который создает некий новум (как его понимает канадский критик Д. Сувин [3]), вокруг которого вращается сюжет. Ученого окружают обыватели, которые видят в нем только странного конкурента и опасного человека. Кроме того, и в том, и в другом произведении есть также женский персонаж, не понимающий и не разделяющий увлечений исследователя. В «Пище богов» это кухня Бенсингтона Джейн, которая практически перекрыла научным изысканиям кислород своей брезгливостью по отношению к подопытным тварям. Всё могло бы обернуться совсем по-другому, если бы у экспериментаторов не возникло необходимости создавать опытную ферму и перепоручать заботу о животных другим людям. Жена Стивена Попфа Береника, избалованная, самовлюбленная, жадная до красивой жизни женщина с комплексом госпожи Бовари – наименее подходящая спутница для небогатого изобретателя. Отношения с этими женщинами явственно характеризуют главных героев: в том, как Попф относится к Беренике, проявляется вся его психическая глухота, которую он не раз доказал впоследствии (в частности, его достойное социопоба непонимание мотивов поведения людей, неумение наладить с ними контакт). Бенсингтон пасует перед собственной сестрой даже на пороге великого открытия, что говорит о нем как о человеке бесхарактерном.

Но тут есть некоторые разногласия. В «Пище богов» ученых двое, кроме всего прочего, существует также научное сообщество, с которым можно обсудить результаты работы. Попф Лагина предельно одинок, настолько, что готов поделиться своими секретами с соседом-аптекарем. Возможно, сказывается время написания романов: начало XX века несло много надежд, ученым еще была присуща безграничная вера в созидательную силу разума, начало научно-технической революции только укрепляло их в этой вере. В середине XX века люди уже устали от технических чудес, начали применять их на практике, искать личную выгоду. Именно поэтому наука видится Уэллсу в утопичном ключе как способ обогащения и радости для всех, а наука Лагина – антиутопичная – лишь авторитарно используется элитарным меньшинством. Идеалы Попфа в ней, как и других романтиков старой школы, остаются лишь предметом паразитизма массы дельцов.

Важно подчеркнуть, что Л. Лагин не останавливается на простой переработке сюжета и персонажей, а идет дальше «исходного материала»: «Ему уже удалось найти химические возбудители, воздействующие на собственно гипофиз молодых организмов. И сейчас он бился над эффектом антигормонального действия, над тем, чтобы на определенном, заранее

заданном этапе, прекращалась бурная работа этого крохотного, размером с фасоль, мозгового придатка» [1]. Это значит, что этап с Уэллсовской «пищей богов» был благополучно пройден (без апробации на людях) и ознаменовал всего лишь стадию в эволюции научной мысли.

Следующей естественной фазой разработки научного изобретения является его внедрение. Мистер Бенсингтон и профессор Редвуд, как истинные теоретики, берутся за практику необдуманно, доверяют процесс реализации эксперимента сторонним некомпетентным лицам. «Он дурак набитый», «У него не все дома» – так о Бенсингтоне отзываются люди, которых он нанял. Это отлично отображает отношение простого народа не только к изобретению ученых, но и к ним самим. Обыватели не понимают ничего, что выходит за рамки их привычного мира, пытаются найти «разумное» объяснение самым невероятным событиям: «Вот что значит хороший уход <...> Думает, это они от его дурацкого порошка так выросли» [4] – говорит мистер Скиллетт о гигантских десятидневных цыплятах размером со взрослую курицу. А всё, что находится за границами понимания обывателей, они воспринимают с опаской. Именно поэтому великаны расцениваются обществом как угроза наравне с гигантскими хищниками. Ученые, подмешавшие «пищу богов» в детское питание, не задумывались о том, как будут жить в дальнейшем большие дети. Для них это просто интересный эксперимент. Более того, Редвуд подсыпал своему сыну «пищу» еще до того, как она доказала свою эффективность и даже сколько-нибудь безопасный эффект. Потрясающая для интеллектуалов безответственность приводит к тем последствиям, которые становятся дальнейшим сюжетом произведений, так что в некотором роде это качество является смыслообразующим.

Стивен Попф Л. Лагина в этом смысле очень последовательно идет к своей цели: он изначально знает, чего хочет добиться (о чем можно судить по шкуркам гигантских крыс в лаборатории, которых он умертвлял, стоило им достичь гипертрофированных размеров). Он предвидит проблемы, связанные с неконтролируемым ростом существ, и постоянно наблюдает за ними, не отдавая столь важный процесс в некомпетентные руки. Попф понимает, к каким катастрофическим последствиям может привести вмешательство в природу. Но при всём при этом он не принимает во внимание, что может повлечь за собой вмешательство в экономическую и социальную сферы общества. Его, казалось бы, менее существенный просчет приводит к более устрашающим последствиям: гениальная химическая разработка, изначально ориентированная на улучшение жизни бедняков, направляется на искусственное выведение новой породы «человека послушного».

В обоих произведениях у сюжетной линии с использованием препарата на людях – открытый финал. В «Пище богов», начавшись как пагубная небрежность, эта линия перерастает в конфликт «гигантов и пигмеев», борьбы смелых новаторов-индивидуалов и консервативного общества («Им всем было невдомек, к чему стремится этот великан, этот призрак будущего, ставший у них на дороге» [4]). Как сказал Е. Замятин в своей статье «Герберт Уэллс»: «Вы читаете о десятках смешных столкновений гигантов с пигмеями, и прожектор Уэллсовской иронии все яснее вырезает жалкую фигуру пигмея-обывателя, который хватается за привычную, удобную жизнь в страхе перед грядущим, мощным гигантом Человеком — и становится уже не только смешно» [5].

У Лагина же дети выращиваются искусственно, в промышленных масштабах. Государство заинтересовано в получении психически неполноценных, но физически взрослых особей для выполнения черной работы. Это задание поручается доктору Мидрубу, персонажу, охарактеризованному как «изувер, вооруженный незаурядным талантом и всеми достижениями науки» [1]. Этот ученый с фашистскими наклонностями собирается реализовать план создания расы человекоподобных существ, лишенных индивидуальности, послушных командам биороботов. Этой темой – кастового выращивания людей в пробирках – автор романа отсылает читателя также к произведению О. Хаксли «О дивный новый мир!» (1932) [6].

В этих романах персонажи-ученые не способны взять на себя вину за происходящее: «Всегда трудимся ради результата теоретического, чисто теоретического. Но при этом подчас, сами того не желая, вызываем к жизни новые силы. Мы не в праве их подавлять, а никто другой этого сделать не может <...> всё это теперь уже не в нашей власти» [4] – так говорит мистер Бенсингтон. Доктор Стивен Попф выражается не так явно, но подобный вывод сам собой напрашивается при анализе его поведения.

Но это ставит читателя перед проблемой не только личной ответственности ученого за его изобретение, но и способностью общества воспринимать то новое, что готова принести в мир наука. Уэллс верит, что всколыхнувшее общество событие может полностью изменить привычный уклад жизни, в то время как капиталистическое общество в романе Лагина способно было поглотить ученого со всем его изобретением или – что еще хуже – пустить его в свой оборот. Уэллс отражает сознание человека XIX века с его предпринимательством, увлеченностью ученых, Лагин же с искренней верой в социализм стремится раскрыть капиталистическую жестокость средств в достижении поставленных целей, прогнившую систему бюрократического мира, судящего человека за то, что он вырос (соблюдение формальностей оказывается важнее реальной сути дела). По сути, они оказываются противоположными во взглядах: Уэллс восхваляет капитализм в самом лучшем его проявлении, а Лагин ругает его худшие проявления.

Более того, и то, и другое произведение поднимает вопрос противоборства религии и научного знания за «разделение сфер влияния», что кажется просто парадоксальной проблемой современности, отчего она не становится менее острой. Наоборот, наблюдая современные тенденции общества, сложно поверить, что такие изменения происходят в эпоху великих научных открытий и технических достижений. Тем не менее, реакция служителей церкви одинаковая в «Пище богов» и в «Патенте АВ» – они единодушно высказываются против изменения природы, выступают против нарушения божественного замысла, объявляют научные препараты созданием дьявола. И самое страшное заключается в том, что всегда находятся люди, готовые их слушать, вместо того чтобы подумать самостоятельно. А на любой из форм массового убеждения, подкрепленной силой средств массовой информации, всегда готова почва для возвращения очередной системы, поглощающей человечество.

Заключение. «Уэллс был первым, кто сделал фантастику не темой, а литературным приемом, который использовал для критики современного ему общества. <...> Но даже утопии Уэллса обращены к современности – это социальная сатира на существующую жизнь и неизменный призыв изменить общество к лучшему» [7]. Этим же занимался и Лазарь Лагин – один из самых ярких и преданных его последователей.

Список литературы

- 1) Интернет-ресурс: Лагин Л. Патент «АВ» http://www.e-reading.club/bookreader.php/32500/Lagin_-_Patent_AV.html (Дата обращения: 28.09.2015).
- 2) Интернет-ресурс: Дайс Е. Остановивший Солнце. Мистериальные корни «Старика Хоттабыча» // «Русский Журнал». 2013. <http://russ.ru/pole/Ostanovivshij-Solnce> (Дата обращения: 28.09.2015).
- 3) Интернет-ресурс: Suvin D. On What Is and Is Not an SF Narration; With a List of 101 Victorian Books That Should Be Excluded From SF Bibliographies <http://www.depauw.edu/sfs/backissues/14/suvin14art.htm>
- 4) Интернет-ресурс: Уэллс Г. Пища богов http://www.e-reading.club/bookreader.php/59141/Uells_-_Pishcha_bogov.html (Дата обращения: 28.09.2015).
- 5) Замятин Е. Герберт Уэллс. СПб.: Эпоха, 1922. 47 с.
- 6) Интернет-ресурс: Хаксли О. О дивный новый мир http://www.e-reading.club/bookreader.php/61388/Haksli_-_O_divnyii_novyii_mir.html (Дата обращения: 28.09.2015).
- 7) Интернет-ресурс: Стоянов А. Мрачный пророк. Научный пессимизм Герберта Уэллса. <http://www.mirf.ru/Articles/art937.htm> (Дата обращения: 28.09.2015).